

Предисловие автора

Подробный историографический обзор литературы, посвященной сложным вопросам царствования Ивана IV, в большинстве трудов второй половины девятнадцатого — двадцатого веков по русской истории¹ обычно содержится в первых главах.

Эта историография крайне политизирована, ибо на всех этапах ее развития, начиная с девятнадцатого века, историки слишком часто забывали, что предмет истории — люди, и погружались в те или иные теории интерпретации исторических событий: гегельянство, экономический детерминизм, народничество, исторический материализм, марксизм, евразийство, экономический материализм, марксизм-ленинизм, большинство из которых мало применимо к периоду до начала Нового времени.

При работе над этой книгой я не занималась исследованием первоисточников в русских архивах и опиралась исключительно на опубликованные материалы и исторические работы. Из старых историков я многое позаимствовала у Н.М. Карамзина, чья «История государства Российского» была опубликована в период между 1814 и 1824 годами. Пушкин назвал ее последней летописью и первой историей. Это бесценный труд не только в силу простоты и человечности его нравственного подхода, но и благодаря богатству процитированных в примечаниях источников, в наше время частично утраченных. Я широко использовала также сочинение С.М. Соловьева «История России с древнейших времен» (1851 — 1879), так как он тоже приводит многочисленные цитаты из источников, хотя и не разделяю его взгляды на государство как двигатель истории. В.О. Ключевский, один

¹ Примечания см. в конце книги.

из наиболее уравновешенных в своих суждениях русских историков, не приписывает фундаментального значения опричнине, рассматривая ее в качестве «продукта чрезвычайно мнительного воображения царя» Ивана. Вывод Ключевского о том, что опричнина была направлена не против системы, а против лиц, возрождал представление о приоритете нравственной роли царя над политической, и, хотя суждения Ключевского всегда здравы, он посвятил не так уж много страниц собственно времени Ивана IV.

«Буржуазный» историк С.Ф. Платонов, обозначивший переход от критики царизма к полноценной марксистской историографии, развивал теорию о том, что Иван ввел опричнину для ликвидации боярской и княжеской аристократии и создания нового правящего класса, зависимых служилых воинов, будущих дворян, которые наделялись землей за свою службу и могли быть опорой для царя. Такая трактовка компенсировала недостатки теории Ключевского, усматривая в политике царя явную направленность против системы, а не лиц, что привело, по мнению Платонова, к глубокому социальному, экономическому и политическому кризису, достигшему своей кульминации в Смутное время. Эта концепция сделалась очень влиятельной и просуществовала в том или ином виде до падения коммунистического режима. Но Платонов, будучи одним из крупнейших историков России, решительно осуждал жестокость Ивана и его бесчеловечное поведение; позиция Платонова натолкнулась на противодействие академических кругов, и в 1930 году, вероятно, по настоянию историка М.Н. Покровского, он был арестован и сослан в Самару, где прожил в крайней нужде два года до своей кончины².

Пока историки барахтались в идеологической пучине, русская интеллигенция и вообще образованные люди выработали свою собственную, непрофессиональную, но по-человечески понятную точку зрения на царя Ивана Грозного. Декабрист Кондратий Рылеев называл его тираном, а Михаил Лунин писал о безумном самодержце, который сутками купался в крови своих подданных. Белинский говорил о «*падшем ангеле ... который в падении своем обнаруживает по временам и силу характера железного, и силу ума высокого*»³.

Советская историография столкнулась с определенными проблемами, в частности, с необходимостью приложить жесткие марксистские критерии к анализу реальных событий, в то время как полной ясности относительно того, в чем состояли эти самые марксистские критерии и что такое реальные события, достигнуто не было.

Соперником Платонова в переходный период был сам Покровский, при-

саянный марксист и большевик, взгляды которого господствовали в исторической науке до середины 30-х годов. Его сочинение «Русская история с древнейших времен» было опубликовано еще до революции. Покровский связывал учреждение опричнины с победой денежного хозяйства над натуральным феодальным хозяйством, которая вела к союзу служилой знати с торговой буржуазией независимо от личного влияния Ивана IV.

В 1936 году Покровский был объявлен (посмертно) противником марксизма-ленинизма. Большое значение имел труд Р. Виппера, который с трудом поддается классификации; разные его редакции относятся к 1922 и 1942 годам, в последнем случае автор превозносит Ивана как государственного деятеля и вождя. Было бы, однако, несправедливо предположить, что историки, а вслед за ними драматурги и авторы исторических романов поголовно следовали заданному идеологическому образцу — в исторической и художественной литературе возникали новые толкования царствования Ивана, которые отражали индивидуальные позиции, а также повороты в советской внешней политике и положении СССР среди мировых держав.

Жертвой этих перемен стал один из крупнейших специалистов по истории России шестнадцатого столетия С.Б. Веселовский, который в середине двадцатого века возродил тезис Ключевского о том, что опричнина не имела политических целей. Работа Веселовского была объявлена антимарксистской и запрещена.

В это время усиливается интерес Сталина к русской истории, что повлияло на романы А.Н. Толстого и фильмы Эйзенштейна об Александре Невском и Иване Грозном. Второй фильм снимался по заказу Сталина в 1941 году до немецкого вторжения на Россию, в период действия германо-советского пакта о ненападении⁴.

Трактовка сюжета отражает меняющуюся политическую ситуацию, и царь Иван в первой серии эйзенштейновского фильма изображен как мудрый государственный деятель, вождь своего народа, поддерживаемый народными низами в борьбе с крамольными боярами.

Испытания, которым подвергся фильм Эйзенштейна, были превосходно проанализированы Морин Перри⁵, так что на этом нет необходимости подробно останавливаться. Однако в ее рассказе о первоначальном сценарии Эйзенштейна есть любопытная подробность — образ моря, не встречающийся в источниках шестнадцатого века. Ребенком Иван слушает пение няни:

Океан-море,
Море синее,
Море синее,
Море славное,
Ты до самых небес расстилаешься,
До высокого солнца волнами бьешь,
Прибегают к тебе реки русские,
На твоих берегах города стоят,
Города стоят наши древние,
Черным ворогом полоненные⁶.

Музыкальная тема и вся песня повторяются в тех местах сценария, где они служат сопровождением обоснованию прав Ивана на Балтийское побережье. Так, в самом конце Иван несет на руках умирающего Малюту Скуратова на морской берег, и волны подчиняются его приказам. В этом отразилась личная заинтересованность Сталина в отвоевании балтийских государств, утраченных Россией после Первой мировой войны и большевистской революции⁷. Однако, хотя выход к морю представляется естественной политической целью России, в источниках шестнадцатого века о нем нигде не упоминается, за исключением сообщений об усилиях удержать или вернуть Нарву. Зверства Ивана до определенной степени отражены в фильме (с позволения Сталина, сказавшего: «Да, убийства бывали»⁸), но их необходимость оправдывается постоянными изменами в окружении царя. Первый публичный показ фильма состоялся в январе 1945 года. Вторая серия была показана в Кремле в марте 1945 года*, и интеллигентная публика приняла ее достаточно критически, но Сталин после просмотра был возмущен и отозвался о ней как о кошмаре, в котором опричнина напоминает ему Ку-Клукс-Клан, а Иван изображен как слабохарактерный правитель, «похожий на Гамлета»⁹. Опричники выглядят как разбойничья шайка, «каннибалы», вызывающие в памяти финикийцев и вавилонян, в то время как они представляли собой прогрессивную силу, которая нужна была Ивану для объединения Руси.

Теперь Ивана следовало представлять как «строителя государства», прозорливого и мудрого политика, блестящего полководца и дипломата, невзирая на прежнее критическое отношение всех историков к царям, которые уже

* В комментариях к первому тому «Мемуаров» Эйзенштейна говорится, что просмотр второй серии в Кремле состоялся в феврале 1946 г. (Здесь и далее отмеченное астериком — примечания переводчика).

в силу своего титула причислялись к сонму несущественных и негативных факторов истории. Казни объяснялись необходимостью искоренения крамолы, что оправдывало и сталинские репрессии, а отождествление Ивана со Сталиным открыто поощрялось, хотя иногда авторы (быть может, и сам Эйзенштейн) использовали этот эзопов язык для критики.

Образ Ивана как прогрессивного правителя использовался на протяжении Второй мировой войны и доминировал до смерти Сталина, а затем был дискредитирован после развенчания «культа личности», положившего начало широкому обсуждению «правильной» оценки политики Ивана с марксистских позиций. Покровский и Веселовский постепенно были реабилитированы, а сравнение Сталина с Иваном Грозным служило лишь для критики первого. Здесь на первый план выступили историки, свободные от идеологического бремени 20-х, 30-х и 40-х годов, хотя в большинстве случаев и не порывавшие с марксизмом; они привлекали и публиковали все новые источники, которые открывались в архивах. В настоящее время ведутся свободные дискуссии, отчасти питаемые многочисленными работами западных историков, а также информацией, получаемой из сети Интернет.

В этой книге я в значительной степени опиралась на труды крупнейших русских специалистов по истории эпохи Ивана IV, опубликованные в двадцатом веке. Веселовский и Садиков писали в 40-е годы. Возглавлял когорту историков времени Ивана Грозного, вплоть до своей смерти в 1988 году, А.А. Зимин; его основная работа, посвященная опричнине, вышла в 1964 году и была переиздана под редакцией А.Л. Хорошкевич в 2001-м. В новое издание были внесены некоторые фактические и содержательные изменения, тщательно выявленные и проанализированные в рецензии С.Н. Богатырева¹⁰. Эстафету Зимина переняли такие историки, как С.О. Шмидт, Н.Е. Носов, И.И. Смирнов, Р.Г. Скрынников, В.Б. Кобрин и многие другие, принявшие участие в погоне за ускользающей истиной. Я почерпнула в их сочинениях много фактических сведений, оставив за собой право интерпретировать их по-другому. Я использовала также работы американских и немецких специалистов по этой теме и выражаю им здесь свою признательность.

Данная книга не имеет целью рассказать о России в эпоху Ивана Грозного. Это попытка понять и объяснить с помощью доступных на настоящий момент свидетельств качества Ивана как человека и правителя, чье царствование, продолжавшееся с 1547 по 1584 год, привело к столь разрушительным последствиям для его народа и для его стремительно расширяющейся страны. Такая попытка неизбежно сопряжена с огромными трудностями. Прежде всего,

сохранившиеся материалы крайне неоднородны, многие документы погибли при пожарах. Не осталось никаких письменных свидетельств о личных взаимоотношениях Ивана с его семьей женами и детьми. Нет подлинных текстов писем или приказов, отдававшихся царем; несколько отзывов о частных беседах, в которых он принимал участие, принадлежат преимущественно иностранцам, например, англичанам Энтони Дженкинсону и сэру Джерому Боусу (Баус), австрийцам графу Кобенцлю и Даниилу Принцу из Бухова, а также иезуиту Антонио Поссевино.

Не существует отчетов о заседаниях Боярской думы и других административных органов, хотя имеются официальные записи об участии Ивана в публичных мероприятиях и отдельных формальных прениях, таких как совместные заседания Боярской думы с церковным собором для обсуждения широкомасштабной программы реформ Церкви и церковного права, известных под названием Стоглава, в 1551 году. Таким образом, официальные документы обычно носят обезличенный характер, что особенно бросается в глаза при сравнении с оживленной перепиской королей и их советников в других странах.

Тем не менее сохранилось множество случайных записей, содержащих сведения о военных походах, сборе налогов, пожаловании имений, казнях предполагаемых изменников и о жестокостях, творившихся самим царем и от его имени. Продолжается накопление источников, все время поступающих в научный оборот, так что материала для чтения предостаточно. Эрудиция, изобретательность и упорство в исследовании этих источников, проявленные русскими историками многих поколений, просто поражают. Однако неоднородность сохранившихся свидетельств ведет к значительным расхождениям в их истолковании и заставляет историков сомневаться в правильности той или иной версии, предлагать читателю ряд гипотез и отягощать изложение их анализом. Многие из этих спорных моментов отмечены в сносках, роль которых в данном случае значительнее для общего хода повествования, чем обычно. Кроме того, приходится слишком часто полагаться на сведения чужеземных источников, которые вводились в оборот постепенно. Рассказы двух ливонских дворян, Крузе и Таубе, были уже известны в конце шестнадцатого века, но на русский язык их перевели только в 1922 году¹¹. Известие Германа Шлихтинга было переведено на русский в 1934 году¹².

Иностранные письменные источники дополняются зарубежными гравюрами и эстампами, изображающими Ивана или зверства его войска. Подлинных портретов царя не существует, и все репродукции, приводимые в

книгах, основаны на фантазиях художников. То же самое относится и к его отцу, Василию III. Печатались вымышленные портреты Ивана IV, которые иезуит Антонио Поссевино использовал, повернув изображение в другую сторону¹³. Гравюры с изображением русских жестокостей также недостоверны. То, что на них показано, могло происходить в действительности, ибо в эту эпоху беспощадные войны велись повсеместно, и относительно безжалостности Ивана к своим подлинным или мнимым врагам нет никаких сомнений. Но на рисунке эти зверства впечатляют читателя и не оставляют его беспристрастным. Поэтому неизмеримо труднее заниматься русской историей шестнадцатого века, чем, скажем, Елизаветинской Англией, изучая которую историк может воспользоваться сохранившейся корреспонденцией королевы и ее советников Берли, Лейстера и Уолсингема, а также их врагов и связать личность и политику.

На протяжении последних трех десятилетий на Западе не прекращались нападки на один из доселе главных источников для историков этой эпохи — переписку между царем и князем Андреем Михайловичем Курбским, как и на «Историю Ивана IV», приписываемую последнему.

Профессор Гарвардского университета Эдвард Кинан долгое время доказывал, что оба эти сочинения — подделки, или «апокрифы», как он предпочитает их называть, написанные в семнадцатом веке¹⁴.

Кроме того, профессор Кинан утверждал, что в царствование Ивана Грозного, как и до него, и позднее Россией управляла олигархическая группа, состоящая из представителей аристократических кланов, связанных между собой брачными союзами. Они правили от имени царя, не располагавшего реальной властью и, если говорить об Иване IV, практически неграмотного. К тому же светскую культуру придворного общества, какой бы она ни была, от церковной и монастырской культуры отделяла пропасть. Последняя точка зрения была развита в очерке, озаглавленном «Обычаи московитов» и в первой редакции составленном в 1976 году в рамках контракта с Государственным департаментом, затем несколько раз переработанном и в окончательном виде опубликованном в 1986 году *«с целью не столько убедить, сколько вызвать дискуссию и побудить к новым исследованиям»*¹⁵. Как бы то ни было, Кинан недавно вновь подтвердил свою точку зрения о том, что Иван был неграмотным¹⁶.

Изучив эти работы, я не нашла выдвигаемые их автором тезисы убедительными. Я не являюсь специалистом в области языкового и текстологического анализа, но, будучи практикующим историком, не могу считать теории

Кинана состоятельными с точки зрения исторической науки. Возможно, нет доказательств того, что Иван Грозный был образованным человеком, но нет и доказательств обратного. Зато нет никаких сомнений в том, что многие из бояр были грамотными людьми, иначе они не в состоянии были бы вести переговоры и заключать соглашения о перемирии¹⁷. Еще я не согласна с тем, что Иван был слепым орудием в руках олигархии. Совершенно невероятно, чтобы учреждение опричнины в 1565 году и разорение Новгорода и его жителей в 1570 году были предприняты исключительно по инициативе и по настоянию князей и бояр, тем более что это явно противоречило их интересам. Эти меры могли быть приняты только тем, кто обладал непомерной властью. Кроме того, язык первого письма Ивана к Курбскому 1565 года слишком схож со стилем писем к польско-литовскому королю Сигизмунду II Августу 1567 года. Эти письма якобы были составлены тремя крупнейшими магнатами на русской службе, но фактически самим Иваном, причем тексты сохранились в записях Посольского приказа, перешедших затем в архив Министерства иностранных дел¹⁸. На мой взгляд, вполне вероятно, что Иван умел читать (научиться, в конце концов, не так уж трудно); столь же вероятно, что сам он не писал своих важнейших посланий, а, как и большинство государей, диктовал их. Даниил Принц из Бухова, имперский посол в 1575 году, свидетельствует определенно, что бояре считали ниже своего достоинства писать собственноручно¹⁹.

Теория Кинана о расхождении двух культур, светской и религиозной, столь же неубедительна, ибо в каждой строке документов, написанных русскими государственными чиновниками по тому или иному вопросу, сквозит религиозный дух и они составлены на церковном языке. Даже пространные разглагольствования послов полны цитат из Ветхого и Нового Завета. Священник сопровождал человека всю жизнь: он присутствовал рядом с ним при его рождении, при его браке и при его смерти; священник играл важную роль его исповедника, священник сопровождал его в паломничествах в монастыри (часто пешим), священник составлял тексты завещаний, и все эти явления были обычной частью жизни человека. Напевы православной литургии будили в сердцах верующих знакомые чувства, они были близки и дороги им. Отчасти поэтому я включила в свою работу много цитат из приписываемых Ивану Грозному сочинений как на политические, так и на религиозные темы, а в большинстве случаев объединяющих то и другое. Они позволяют глубже проникнуть в мысли царя, и это единственный способ разобраться в его личности.

В данных обстоятельствах я не собираюсь заниматься опровержением взглядов профессора Кинана, а ограничусь лишь тем, что отошлю заинтересованного читателя к обширной литературе, посвященной вызванным ими спорам²⁰.

Как бы то ни было, я руководствовалась несколькими главными принципами построения исторического исследования, которые излагаю ниже. Прежде всего, я старалась писать историю Ивана IV как бы *из Москвы*, как бы взирая на Западную Европу из-за кремлевских стен, а не рассматривая Россию со стороны и свысока, глядя на нее с Запада. Такой подход позволяет избежать снисходительного тона, объяснить происходившее в России присущими ей понятиями, вполне ощутить глубину ее трагедии. Этим объясняется и то, почему я говорю о Руси, а не о Московии. Иван IV был царем *всех Руси*, он ощущал себя наследником киевских государей. Большое значение, придаваемое Москве, объяснялось тем, что она была первым большим русским городом, куда попадали все западные путешественники, и к тому времени, когда они знакомились с Россией, история Киевской Руси на их родине была забыта (если, конечно, их родиной не была Польша или Литва). Я не думаю, что можно приложить сегодняшние знания к изучению прошлого без того, чтобы не исказить его. Россияне шестнадцатого века не знали, что через четыреста лет Украина станет независимым государством со столицей в Киеве и что Россия завоюет Крым, а затем лишится его.

В то же время я прибегала к методу сравнения, поскольку, как я полагаю, многие проблемы, с которыми столкнулась Россия, были того же свойства, что и проблемы, вставшие перед Францией, Германией и в меньшей степени Англией, пусть и в другое время. Германские императоры и французские короли были вынуждены включиться в борьбу за утверждение своей власти на всей территории собственных стран, и в этой борьбе Германия потерпела неудачу, а Россия в шестнадцатом веке добилась частичного успеха. Англия была насильственным путем объединена при Вильгельме Завоевателе, но и ей пришлось выдержать войну за расширение своих границ от берега до берега всего острова, а затем и всего архипелага, причем успеха удалось добиться в Уэльсе, отчасти (на время) в Шотландии и отчасти в Ирландии²¹. Представителям Трастамарской и Габсбургской династий тоже не удалось объединить весь Иберийский полуостров, в отдельных землях которого сохранились местные *фуэрос** и

* Сборники законов.

конституционное право; королевство стало союзом корон, федеративным государством²². Бурбонам удалось распространить на всю страну власть короля, исходящую из центра, только в восемнадцатом веке. Отчаянные попытки Габсбургов и их предшественников на императорском троне объединить германские земли успеха не имели. Швеция освободилась из-под опеки Дании и отстояла свою независимость. Национальные державы, постепенно образовавшиеся в Европе, сталкивались с одними и теми же проблемами, и задача историка обнаружить их под разными обличьями, которые эти проблемы принимали вследствие разнообразия культурных, конфессиональных, географических и политических условий. Англия — остров, который испытывает благотворное влияние Гольфстрима; почвы в России в основном неплодородные, а климат суровый. Некоторые европейские страны входили в состав Западной Римской империи и образовали сообщество, в котором разговаривали на латинском языке; другие стали частью Восточной Римской империи или испытали на себе ее влияние; они исповедовали общую для них православную веру. Всем этим народам присуща единая в своей основе христианская культура, определившая и сходство их политических представлений. Это сходство не всегда заметно, но долг историка выявить и показать его.

Наконец я подошла к вопросу о природе исторических доказательств. Здесь я считаю нужным следовать совету Пола Бушковича, данному им в его «Житии Святого Филиппа». Он перечисляет ряд «правил прочтения», особенно рекомендуемый им для исследований в области истории религии в России. Первое и главное правило, которое больше всего затрагивает мою работу, гласит: *«Текст — это то, о чем в нем говорится. Следовательно, житие святого Сергия Радонежского не рассказывает о развитии национального самосознания в России. Оно рассказывает о жизни святого отшельника. Оно рассказывает о монашестве»*. Я старалась следовать этой категорично сформулированной рекомендации. Могу лишь высказать надежду, что тем самым я не обманула ожидания читателей.

Кроме того, я использую ряд выражений, которые могут показаться моим читателям раздражающими, но они необходимы, чтобы не вводить этих читателей в заблуждение использованием слов, утративших свое прежнее значение. Во-первых, это слово «автократия», которое сегодня повсеместно используется для перевода русского *самодержавие*. В шестнадцатом веке и позднее слово «самодержавие» означало суверенитет. «Самодержец» переводилось на английский язык как *self-upholder*²³. Во вторых, для обозначения

русского царства я использую слово Россия, а не Московия и слово «русский» в качестве прилагательного к названиям Русь и Россия. Москва была одним из княжеств, входивших в состав Руси, и ее великие князья-Рюриковичи не отказались от притязаний на приднепровские княжества, поглощенные после монгольского нашествия Литвой. В-третьих, я старалась избегать слова «Византия». Благодаря Гиббону оно стало отождествляться с уклончивостью, интригами, коррупцией и заставляет читателя забыть о том, что Константинополь был основан римским императором, что на протяжении тысячи лет он был столицей Восточно-Римской империи и его жители пользовались сначала латинским, а потом греческим языком. Римская империя времен Августа, Тиберия, Нерона и Гелиогабала отличалась не меньшей испорченностью нравов, но мы, видимо, не столь строги в отношении наших собственных предков*.

Наконец, за неимением подходящего термина для обозначения русского военного сословия, я позаимствовала у профессора Валерии Кивельсон выражение «служилая знать» как соответствующее русскому понятию *боярские дети*, а позднее — *дворяне*, потому что как класс они напоминают мне, скорее, английскую земельную знать («джентри») того периода, когда она не отличалась особым «благородством».

Хаўреўм, 2004

* Опасения автора не столь оправданны применительно к русскому читателю, поэтому в переводе слово Византия, как менее громоздкое и более привычное, используется чаще.